

Олеса Мовсина

Путём

Т а р а К а Н а

Олеся Мовсина

Путем таракана

«Геликон Плюс»

2015

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мовсина О.

Путем таракана / О. Мовсина — «Геликон Плюс», 2015

О чем повесть Олеси Мовсиной? Сложный вопрос. Тот, кто способен наслаждаться тем, как язык и фабула сами по себе порождают какую-то новую реальность, кому хочется погрузиться в этот новый, иногда более, иногда менее сложный и глубокий, но всегда трогательный мир – тот получит от этой книги удовольствие.

УДК 83.3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Мовсина О., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Олеся Мовсина

Путем таракана

© Мовсина О., 2015.

© «Геликон Плюс», 2015.

1

– И вы уверены, что хотите вернуться? – её неофициальное удивление качнулось к нему из официального окошка. И вернулось к ней, как из зеркала, его удивлением:

– Разве об этом говорят, мэм?

Девушка поняла, что ошиблась, и вернула на место свои белоснежные зубки – под фантик смуглых губ:

– Счастливого полёта, сэр.

Интересно, это она так каждому? – мягко хрустнул он шеей, полуобернувшись на остальных пассажиров.

Цезарь, человек не грубый, но лишённый признаков сентиментальности, при встрече с родиной предпочёл бы обойтись без «сопливых воспоминаний». А потому заранее высморкался и задремал, как только самолёт набрал высоту.

– Вам кофе или чай? Вы уверены, что хотите кофе, а не чай? – дремалось ему почему-то. И та, первая девушка вливалась в эту, в стюардессу, как сливки в кофе. И пошло не давать покоя: чёрное-белое, чёрное-белое. И ещё: золотая середина.

Потом он слышал сквозь сон, что в соседнем ряду стало кому-то плохо, кажется, какая-то женщина шумно хрипела:

– Мы разобьёмся, мы разобьёмся...

Припроснувшись на сантиметр, Цезарь ещё удивился, как быстро нашёлся врач и как поспешно вывели тревожную даму из салона. Потом захныкал где-то мальчишеский ломающийся басок, и стюардесса притопнула:

– Ну вот, опять начинается.

Но, без труда погасив картинку и выключив звук, Цезарь не узнал продолжения. Ведь он сегодня рано поднялся и измотался последними сборами.

– Простите, сэр, а вы сдали свой тест на вменяемость? – это уж точно из области сновидений.

Он обернулся к своему сну, чтобы не показаться ему слишком невежливым.

– Простите, что беспокою вас. Пожалуйста, заполните вот этот бланк, – бесцеремонно настаивала над ним девушка в форме.

Цезарь потянулся за явь, оттянул всё ещё зажимавший его ремень безопасности, поправил очки и уставился в предложенный листок. Перечень вопросов с пунктирными дорожками, ждущими ответов.

Что тяжелее – килограмм ваты или килограмм гвоздей? Можно ли в одну реку войти дважды? Сколько лап у паука? Боятесь ли вы темноты? Сколько раз в день вам приходится выругаться? Раздражает ли вас заполнение этого бланка? И в таком духе пятьдесят пунктов.

Вы что, с ума... Давно это с вами? – приподнял он на стюардессу своё возмущённое недоумение:

– Это заполнять?

– Вы, должно быть, в первый раз, – сделала вид, что смутилась, девушка. – Отнеситесь к тесту как к простой формальности, ответьте на вопросы, и у вас не будет проблем. Но если

они не успеют обработать ваш бланк до посадки, вас могут задержать при выходе из самолёта. Вы уж извините, такие у нас правила.

А замыкала ряд, под пятидесятым номером – просьба нарисовать несуществующее животное. Уточнялось: не сказочное, уже придуманное кем-то, не вымершее какое-нибудь, вроде динозавра, а то, которое придумается именно вами, именно сейчас.

Раньше в анкетах пытали, какова цель визита, есть ли родственники за рубежом, какой суммой денег располагаете, – недоумённо навис над бумагой Цезарь, слегка постукивая шариком ручки по тому месту, куда предлагалось поселить нарисованного зверя.

Стюардесса ещё несколько раз прошла мимо его кресла, как показалось, ёжась от любопытства и нетерпения. Вот ведь, – взглянул он в окно, вниз, на неровное долгое облако. А потом упругим движением ручки вспенил такое же – овальное кучевое существо на листе. Вкрутил глаза, нахлобучил мягкие уши, а для пущего несходства с пуделем наделил своё детище двумя гладкими мужественными хвостами.

– Нравится? – сыграл Цезарь бровями, когда девушка в форме опять потащилась мимо него.

– Вообще-то мы не имеем права смотреть, – приподняла и снова понизила голос стюардесса. – Анкету полагается заклеить вот в этот конверт, и я передам, тут у нас служба специальная. На борту.

– А перед посадкой вручат приз за лучший рисунок? – он хотел всего лишь кольнуть её в отместку за нарушенный сон.

А она поняла иначе: переливчато засмеялась и, уже не таясь, взглянула на художество Цезаря.

– Ну-у... Боюсь, что с такими данными... – щёки её странно порозовели.

– Что, не пустят? – грубовато усмехнулся он, вкладывая анкету в предложенный конверт. Девушка покачала головой, как бы сожалея:

– Да нет, с этим как раз проблем не будет, – и, понимая, что хватит уже, что честь уже пора знать: – Спасибо, ещё раз простите за беспокойство.

И пока она ещё пару секунд смотрела на Цезаря своими изжелта-карими глазами, он вертел в голове вопрос: «В таком случае с чем же будут проблемы?»

Но неважно, сразу забыл, отщёлкнул и девушку, и вопрос, как соринку с рукава – двумя пальцами. И полетел дальше на родину.

*

Когда оно наступает, я не могу о нём ничего записать, я вообще ничего в этот момент не могу. А как только проходит, я уже почти ничего об этом состоянии не помню. Могу только сказать, что в эти моменты мне всё кажется ненастоящим, как будто декорации в театре начинают разваливаться и уже не веришь в ту жизнь, которая на сцене.

Нет, не так.

В эти моменты у меня только крутится в голове, как в пустом колодце: почему я – это я? Почему я – это я?

Тоже не совсем верно, не знаю.

Воспитательница в детском саду, та, которая Двадцать Восемь, говорила маме, что я «зависаю» и тогда до меня нельзя достучаться. Часто у меня наступает эта штука от печальной музыки (или когда я хочу пить). И когда все дети должны были мирно танцевать, я застывал посреди зала, и...

Да, я называю это состояние Безраздумьем, мне оно нравится, и я в то же время его боюсь. А Солнце (мама) боится, что я могу вот так вот зависнуть где-нибудь на переходе через проезжую часть или что-нибудь в этом роде.

А Факториал, в смысле, мой папа, ужасно злится, когда я «вырубаясь». Раньше пытался даже... Ну, в общем, пробовал выводить меня из этого Безраздумья с помощью подзатыльника. А потом один раз промахнулся, и оказалось, что просто махнул на меня рукой.

2

По дороге домой его почему-то больше всего беспокоило молчание таксиста. Царапало, как застрявшая между извилинками мозга неприятная мелодия. Кроме числительного, обозначающего стоимость поездки, мужчина слева не выдохнул ни звука.

Не сравнивать, не вспоминать, – повторял себе Цезарь давно заготовленную формулировку возвращающегося блудного сына.

Шофёр молчал не как угрюмый или просто необщительный от природы человек, но как человек, у которого что-то стряслось и он ни за что не поделится ни с кем своим потрясением. Музыка у него всю дорогу играла приятная и добрая, даже слегка убаюкивающая, но Цезарю показалось, что в том числе и эта музыка раздражает таксиста.

Ничего особенного с родным городом не произошло – кое-где подновили фасады, кое-что втиснули между. Людей на улицах было мало – то ли на дачах все, то ли просто ещё спят в выходной.

Ну, вот и прибыли. Пока расплачивался с таксистом, из подъезда вышла девушка с догом на поводке и почему-то споткнулась о чемодан Цезаря, стоявший довольно-таки скромно, не на проходе. У перегруженного чемодана подкосились колёсики, он опрокинулся лицом вниз, а девушка что-то своё прошипела.

Ничего не поделаешь, Цезарь извинился и повернулся поднимать свой багаж. Подошёл к двери и вспомнил, что забыл код парадной. Мама ведь сказала по телефону, а он...

Где-то рядом сначала тихонько вскрикнули, и тут же покатился во все стороны мелкими шариками противный женский визг. Ну уж на этот раз он точно не виноват и извиняться не собирается, отметил Цезарь, оборачиваясь и пытаясь понять, что же случилось с девушкой.

На детской площадке, прямо в песочнице, на куче песка корчился давешний дог, во все стороны брызгаясь чем-то красным. А девица, хозяйка, визжа, то приседала, то шарахалась куда-то в сторону, пугаясь всё больше и не зная, чем помочь. Цезарь снова бросил свой чемодан и нерешительно подошёл.

Явно – картина огнестрельного ранения, но как? Кто и откуда? Он беспомощно огляделся, потом склонился над издыхающим догом. Девушка перестала визжать.

– Вы понимаете, что произошло? – повернулся он к ней и вдруг ошпарился о её двинувшийся навстречу взгляд.

– Ненавижу, – едва расслышал он сквозь собачий хрип и не успел испугаться её звериного к своему лицу броска – кто-то, появившийся из-за его спины, этот прыжок погасил.

– А ну тихо, – скомандовал мужчина, сгребая девицу мёртвой хваткой и не обращая внимания на Цезаря. – Допрыгалась? Тебя предупреждали, дура упрямая.

Девица обмякла в его руках и уже по-человечески, по-женски заныла:

– Альберт, его застрелили.

Альберт оказался в растянутых трениках и босиком. Видно, как был, так и сорвался из дома на визг подруги.

– Сама виновата. Тя предупреждали, чтоб не водила его на песок. Чё ты кому доказала? На вон, терь любуйся, на.

Все трое перевели взгляд на несчастного пса. Цезаря нехорошо передёрнуло. Девушка снова затряслась и противно завывала.

– Может быть, вызвать полицию и «Скорую помощь» для вашей супруги? – вежливо отпружинило с губ Цезаря.

– Ты чё, мужик, с дуба рухнул? «Скорую» – она ж у меня на учёте. Шёл бы ты...

– На учёте? – переспросил Цезарь, слегка отпрянув, но не успев спрятаться за рамки корректности.

Тут наконец Альберт на него посмотрел:

– Ой, извините... Я не то хотел... Оставьте нас. Извините, мы это... как-нидь сами.

И этим растерянным бормотанием поразил Цезаря, пожалуй, больше всего. Девушка замолчала. Затихла и застреленная собака.

– Что ж, если сами, – выдавил, умирая от стыда Цезарь, и стал пятиться к своим чемоданам.

*

Факториал махнул на меня рукой, но когда я в первый раз выиграл городскую олимпиаду в четвёртом классе, он смотрел на меня с таким уважением!

Многие говорят, что я тормоз, а сами потом признаются, что чего-то там от меня не ожидали.

Однажды Минус Единица... Ну эта... Я плохо запоминаю имена людей. Да, Лиза её звали – смеялась надо мной, что я руки на каждой перемене мою. А когда я ей высчитал по году, месяцу и числу, в какой день недели родилась она сама, её сестра и её родители...

Или нет, это не Лиза была?

3

И тогда он вспомнил, что нужно просто нажать номер своей квартиры. Запинькал звоночек, и мамин голос, любимый, но почему-то страшно сердитый, высунулся из шелеста помех:

– Вот он уже и припёрся.

Дверь щёлкнула, и Цезарь машинально потянул её, от такого приветствия ощутив себя дураком.

Ну конечно, ведь он не сообщил точной даты приезда, поэтому мамино гневное – вот это – скорее всего не в его адрес.

А она только вдохнула и выхватила из воздуха:

– Сыночек, Игорёчек! В очках, а волос-то сколько седых!

Он и отвык от своего прежнего имени.

– Как вы? – целуя её. – Папа с Лилей дома?

– Да ну их, – пытаюсь ещё и смеяться, заплакала мама. – Лилька вчера с отцом опять поругалась, к подружке пошла ночевать, а этот вообще...

И пока он умывался, переодевался, она всё говорила и говорила.

Конечно, всё по-другому. Обои и мебель кое-какая. Он заглянул на секунду в комнату сестры. Мрачновато как-то. Грязновато. На стене, прямо напротив двери, – чёрный триптих (углём или тушью – он в этом полный нибельмес). На каждой картине по романтической женщине с преувеличенно выразительными глазами и преувеличенно выставленным на зрителя оружием. У одной – благородный меч, у второй – подлый кинжал, а у третьей, прости господи, – ножницы. И там что-то написано. Цезарю стало интересно, он шагнул и прочёл: «Олоферн и Юдифь», «Агамемнон и Клитемнестра» и «Самсон и Далила».

– Лилька рисовала? – обернулся он к заглянувшей в комнату маме.

– Конечно, – усмехнулась та кисло-горько, на секунду ещё больше обезобразив поставшее лицо.

– А где же господа Олоферн, Агамемнон и Самсон? Краски, что ли, на них не хватило? – приятно потягиваясь от домашнего воздуха, пошутил Цезарь.

– Очевидно, их уже зарезали, – серьёзно констатировала мама и повела своего блудного сына завтракать.

Что же случилось с папой? Вот версия мамы.

– После вчерашнего мы-то с ним всё-таки помирились и решили утром вместе сходить в кино. Он должен был пойти первым, узнать, когда сеанс, купить билеты и позвонить мне, а он...

– А он? – посмеиваясь и удивляясь всему, неспешно завтракал Цезарь.

– Жду-жду, потом вдруг звонит и орёт, как сумасшедший: ну ты где, да ну, уже пять минут как кино идёт! Чего, спрашивается?

В смысле?

– А вот кто его знает, дурака лысого? – мама не на шутку разволновалась, хотя говорила приглушённым, каким-то подавленным голосом. – Откуда мне было знать, во сколько, он ведь должен был позвонить!

Ну ладно, ладно, это уж ты чересчур...

А вот теперь версия папы. Он вернулся вскоре после завтрака.

– Я взял билеты, звоню ей на домашний телефон, говорю ей, Лена, подходи, кино в девять тридцать – ближайший сеанс и билеты самые дешёвые. Спрашиваю: успеешь? Она мне говорит: успею – и вешает трубку. Жду-жду, её нет. Уже и кино пошло, звоню на мобильный, а она всё ещё, видите ли, дома. И ещё кричит на меня.

– Ты мне не звонил! – мама вскрикнула, и щёки покраснели, но рука испуганно зажала рот, и только спустя секунду, уже тише: – Не знаю, кому ты там звонил и кого приглашал в кино, но я с тобой не разговаривала, ты позвонил мне только тогда, когда...

Пап, мам... Давайте мирно.

– Ладно, – переключился папа, – как тебя теперь звать-величать, сынуля? От родительского имени отказался?

Конечно, тут во все щели сквозила обида, но Цезарь не поддался на провокацию.

– По документам я Цезарь Рысс, но лично тебе, – он шутливо ткнул отца в грудь, – в обстановке интимной домашней расслабленности разрешаю называть меня кровным родительским именем.

– Благородно, очень благородно, благодарю, – точно в тон и в стиль заблажил папа.

Но тут мама не дала, не позволила, втиснулась между, потрясая папиным мобильным телефоном:

– Если ты, старый хрыч, свой домашний номер не помнишь и не можешь его правильно набрать, занеси его себе в записную книжку, как все нормальные делают. А то скоро и адрес, и имя своё забудешь – как люди тебя до дома доводить будут?

– А что, я неправильно номер набрал? – искренне опешил папа. – А кто же тогда со мной разговаривал?

– Кто ж тебя знает кто! Конечно, голос жены первым делом забыть надо! – визгливым полуслёпотом выкрикивала мама.

И Цезарь грешным делом подумал: не мудрено. Голос у мамы как-то изменился.

Слава богу, вот и Лиля пришла. Может, хоть она поможет выкрутить из этой глупой сцены. И Цезарь пошёл встречать сестру, а мама схватила папу за рукав и почему-то потащила на балкон.

Лиля раздражённо пыталась подцепить какие-то посыпавшиеся с подзеркальника вещички, обернулась, вздрогнула и беззащитно-удивлённо округлила глаза:

– Ой, Игорь.

– Не Игорь, но Цезарь, – в первый раз за сегодня он почувствовал настоящую радость и шагнул обнять сестру.

– Да какой ты, на хрен, Цезарь, – шутливо фыркнула Лиля, но от его объятия попыталась улизнуть.

А он решил, что это такая игра, и поймал, и прижал, и хотел расцеловать, но почему-то передумал и удивлённо отпустил. Ему показалось, что от его прикосновения Лилю неприятно передёрнуло.

– Ты чего?

– Наши дома? – торопливо втиснула она, пытаясь заглянуть за его плечо – в комнату.

Цезарь и сам обернулся. Ему была видна балконная дверь, прикрываемая маминой рукой, но больше он ничего не видел.

– Да, тут такая история вышла – обхохочешься, – начал он. – В кино, называется, мама с папой сходили.

Лилия проскользнула в свою комнату, он машинально пошёл следом за ней.

– Я и так каждый день обхохатываюсь, можешь не рассказывать, – она что-то напряжённо стала искать в шкафу. – Я сейчас побегу по делам, а мы с тобой давай потом поговорим как следует. Дай я переоденусь, выйди.

– Да я отвернусь, переодевайся.

Лилия перестала искать и серьёзно уставилась на него:

– Отвернёшься?

Теперь даже и ему показалось, что он ляпнул что-то совсем не то.

– Ну если хочешь, выйду, ладно.

Вышел, встал спиной к двери, но не прикрыл её до конца, а вздохнул через плечо:

– Эх, Лиллька, ты как будто мне даже не рада.

– Рада-рада, – бормотнула сестра, и Цезарь слышал, что она так и стоит посреди комнаты, не начинает переодеваться. – Дверь закрой.

Из другой комнаты подросла мама с очередной новостью.

– Теперь этот идиот названивает той бабе, с которой он по ошибке утром разговаривал, чего-то хочет там у неё выяснить.

– Мама, а почему вы не пошли сразу вместе, вы же хотели вместе сходить в кино? – попытался внести равновесие уже не в обстановку, а хотя бы в собственное настроение Цезарь.

Мама махнула рукой и ретировалась на кухню. На её место пришёл папа:

– Нет, представляешь, я ей говорю, что ж вы мне не сказали, что я ошибся? Из-за вас люди пострадали. Зачем было говорить, что придёт, да, мол, успеет? А она мне знаешь что сейчас? А незачем было, говорит, будить меня в такую рань в воскресенье. Ну какая нахалка, ещё и грубит.

– Папа, – сделал последнюю попытку успокоить их Цезарь, – ты кино-то хоть сам посмотрел?

– Посмотрел, а что?

– Тебе понравилось? – Цезарь обнял его за плечо – всё-таки они столько лет не виделись. Но папа продолжал возмущённо причмокивать и крутить головой.

*

Огромный чёрный буфет. От бабушки или от прабабушки доставшийся. Сколько себя помню – всю жизнь он меня пугал. Когда его дверцы были открыты, мне казалось, что туда, внутрь, засасывается моё логичное настроение, мои правильные мысли, а остаётся бардак, смятение в голове. (И это задолго до того, как я прочитал в журнале статью про чёрные дыры.)

И всегда мне хотелось поплотнее его закрыть. Солнце (мама) говорит, ей казалось, что я таким образом отодвигал от себя конфетный соблазн. Там и правда лежали конфеты? Не помню.

Терпеть не могу неплотно закрытых дверей.

4

Альберт от удивления забыл, зачем пришёл. Оба растерялись, но Цезарь нашёлся первым:

– Ещё раз здравствуйте, сосед. Вам чем-нибудь помочь? – и в знак дружелюбия приоткрыл дверь чуть пошире.

– Не то чтобы, а я, собственно, Ленвасильну.

Теперь Альберт был при параде, если не сказать при трауре: чёрный костюм и чёрный же галстук, неопрятно комкавший воротник рубахи.

– Мам, к тебе, – позвал Цезарь, краем глаза отметив, как облегчённо выдохнул посетитель.

– Тых сын, что ли? – одновременно переходя через порог и на ты, уточнил Альберт. – А чёй-то я тя раньше не видел?

Цезарь хотел было ответить коротко и вежливо про долгие годы, проведённые... Но понял, что Альберту не до него.

– Ленвасильна, пжалста, не посидите с Танюхой? Того гляди опять истерика, а мне срочно надо, у нас там такое...

Елена Николаевна изобразила губами кислый крен к правой щеке:

– Даже не знаю, – и её недавно вспыхивающий гневом голос теперь морозил всё живое вокруг. – В прошлый раз Татьяна позволила себе такое...

– Ну пжалста, Ленвасильна, она просит прощения, и я... У нас собачку убили, мне надо её того... А Танька опять щас орать начнёт, тут же датчик щас у нас, сами знаете. Сработает.

Альберт комкал пальцами галстук и выглядел очень глупо.

– Посидите с ней, я заплачу.

Ворча под нос какую-то «охоту-былу», Елена Васильевна пошла в комнату переодеваться. Цезарь отчётливо понимал, что некрасиво так стоять и рассматривать человека, но предложить ему пройти было неуместно, а просто уйти к себе он тоже не мог. Всё это привело к тому, что Альберт снова вспомнил о его существовании.

– Брат, ты это, – мрачно вдохновился он, с трудом подбирая слова, – не поможешь мне?

– Да, конечно. А что нужно? – сначала «Что нужно?», а потом «Да, конечно», – мысленно одёрнул себя Цезарь, но было поздно.

– Мне это, похоронить.

Мысленно ругнув себя за свою дурацкую вежливую уступчивость, он тоже пошёл переодеваться.

Танюхой оказалась не дочка, как сначала подумал было Цезарь, а жена Альберта. Та самая, которая споткнулась о чемодан и так неудачно прогулялась с собачкой. Само животное лежало в коридоре на полу, завёрнутое в полиэтилен.

Танюхино злобное мычание слышалось откуда-то из дальней комнаты. Когда они втроем вошли в квартиру, Альберт метнулся куда-то, видимо, на это мычание грудью. Через пару секунд послышался взрыв возмущения:

– Если ты хоть раз ещё меня свяжешь и рот...

Альберт ответил что-то тихо, сурово и немногословно.

– Да лучше туда, чем с тобой! – взвизгнула его жена.

Цезарь растерянно переглянулся с мамой, а та многозначительно закатила глаза.

Разговор супругов продолжался ещё минуты две, по всей видимости, Альберту удалось чем-то убедить или запугать жену. Она вышла зарёванная, раздражённая, но при этом совершенно раздавленная, не опасная для окружающих, и через силу поздоровалась с соседями.

– Эя не понимаю, чё я ты не знал? – начал выруливать из двора Альберт, после того как они погрузили тело дога в багажник. – Откудты взялся?

– Я девять лет жил в другом месте, вот и всё, – без выражения отозвался Цезарь. Он всё ещё злился на себя. Из-за этих собачьих похорон он, наверное, не успеет сегодня съездить к брату.

– Уж второй раз в доме, – как бы самому себе, как бы пережёвывая невкусные слова, бормотнул Альберт.

– Что – второй раз? – тактично осведомился Цезарь.

– Да собаки, – скривился сосед. – У вас стреляют в собак?

– У нас? Нет, не стреляют.

Приходилось немного играть дурака.

– А ты, часом, не шпион? – вдруг усмехнулся Альберт.

Цезарь искренне удивился:

– С чего ты взял?

Наконец-то он позволил себе тыкать этому парню.

– Показалось, забей.

А через некоторое время:

– Наэрно, потому что ты ни о чём не спрашиваешь.

Цезарь картинно тронул мизинцем рукав Альбертова пиджака:

– Ты заметил? Тогда пусть это останется нашей тайной.

Тот, как ошпаренный, дёрнул головой в сторону своего пассажира.

– Шутка, – отрезал Цезарь, захлопнув тему.

– А это зачем? – удивился он, когда они накрепко припарковались у сомнительно-мрачного серого домика с нелепо высоким крыльцом.

– Клуб собаководов, я щас это, – подробно объяснил его новый приятель и, хлопнув дверцей, побежал улаживать какие-то формальности по поводу смерти собаки.

Не привести ли в порядок мысли? – подумал наш герой, выкручивая ручку, опускающую окошко старого жигулёнка. – Как вот сейчас нагрянет полиция, как арестует меня, сидящего в чужой машине с мёртвой чужой собакой в багажнике. А я даже не знаю фамилии этого фрукта. Сосед...

Из собачьего клуба вышли две женщины: одна вся в красном, молодая и активная, видимо, защитница звериных прав, а другая – бабушка под восемьдесят, но не развалюха, а ещё довольно-таки твёрдая. Цезарь обратил только внимание на чёрную крупную родинку, кричавшую посреди бледного лица девушки, и снова задумался.

Итак, мысли в порядок. После этой нелепой траурной церемонии надо к брату. Пока выходной у Егора, и Зоя, наверное, дома с ребятами. Хотя посмотреть на племянников, да и...

– То есть порода вам не важна? – уточняла девушка, пока они с бабушкой спускались с крыльца.

Голос у неё был звонкий, а у собеседницы – наоборот. Цезарю показалось, что стеклянный ёлочный шарик опустили в коробку, в плотный слой ваты:

– Мне главное не порода, а возраст, – говорила пожилая женщина. – Главное, чтобы собачка уже была немолодая, а так, года три-четыре ей оставалось.

– В смысле? – остановилась на последней ступеньке девушка.

– Я, видите ли, живу одна и не хочу, чтобы она осталась после меня сиротой, – ещё раз обмотала бабуля своим голосом блестящий шар. – То есть да, чтобы нам вместе.

По дрогнувшей родинке Цезарь понял, как напряглась девушка в своём сомнении – что отвечать. И он почему-то никак не мог заставить себя посмотреть на лицо говорившей, хотя чувствовал, что ему хочется. Но для этого нужно было чуть наклониться, с его места ему было видно плохо. Только чёрная точка и алые губы над алой жилеткой. Ему казалось, что девушка неоправданно долго медлит с ответом.

– Старухи – грибы жизни, – сквозь зубы бросил Альберт, усаживаясь в машину.

Да, многое изменилось в городе. Парк, в котором они мальчишками резали берёзы, собирая весной мутноватый сок, превратился в кладбище для домашних животных.

Альберт снова оставил Цезаря в машине и побежал к жестяному вагончику, где, очевидно, прятался распорядитель кладбища.

Жестоко простуженный и чем-то обиженный мужчина вылез из вагончика, не изъявляя никакого желания помочь. Так что Цезарь с Альбертом вдвоём достали мёртвое и никому не нужное сокровище из багажника и потащили куда-то вглубь парка. Во время убогой траурной церемонии Альберт молчал. Но Цезарь грешным делом поглядывал. Зная, как часто сентиментальность и грубость оказываются рука об руку, он ожидал одним глазком появления скупой и мужской у своего новоявленного приятеля.

Всплакнуть Альберту всё же пришлось – чуть позже.

Возвращались к машине молча, Цезарь ненавязчиво следовал поодаль, решая, что ему делать дальше. Пожалуй, свою миссию помощника он уже выполнил и спокойно может...

Тут Альберт выпустил изо рта какой-то собачий звук, чуть присел и тут же брызнул матом и слезами. Задыхаясь, стуча кулаками по колену.

Цезарь взглянул.

Оба боковых зеркала Альбертовой машины, оторванные и избитые, лежали в луже собственных осколков, прямо на капоте. А на лобовом стекле красовался лист бумаги с каким-то цветным логотипом и надписью от руки: «Не паркуйся у нас на пути».

Цезарь чувствовал свою глупую неуместность, но всё же сунулся спросить:

– У вас полицию в таких случаях вызывают?

– ...

– А я вот сейчас к брату собирался, – произнёс на это Цезарь отчётливо, кивком головы освобождаясь от лёгкого шока. – Не знаешь, какая маршрутка здесь до Гражданского?

Тем самым Альберт получил свою порцию прохладного душа. Ничего не ответив, он развернулся к своей несчастной машине и принялся голыми руками сгребать с капота осколки на землю. Конечно, сейчас же поранился, но вслух больше выругаться не посмел, а только беззвучно и безнадежно махнул рукой.

*

А та воспитательница, которая 121, Одиннадцать-в-квадрате, лучше ко мне относилась. Если я впадал в безраздумье, она сажала меня за свой стол и даже говорила другим детям меня не трогать. И вообще – была очень логичной во всех своих поступках.

(Больше я о ней ничего не запомнил.)

5

Зою он знал только по фотографиям. И когда она открыла ему дверь, то – если честно – не признал. В строго-бледном, как будто мраморном лице ничего общего не было с представлением Цезаря о невестке.

Она ждала его, но, протянув для знакомства холодную руку, даже не улыбнулась.

– Егор скоро будет, он там с машиной, – неопределённо повела головой Зоя и левым носком пододвинула ему пару тапочек. – Гостевые, – зачем-то пояснила всё так же серьёзно.

– Спасибо, я так, – за двоих широко улыбнулся Цезарь и подумал, что, несмотря на кажущийся морозец приёма, здесь ему уютнее и спокойнее, чем дома.

Из комнаты выкатился повизгивающий комок детей – прямо под ноги новоявленному дяде.

– Боже мой, трое! – перепугался Цезарь.

– Да нет, третий – это соседский, приходит к нам поиграть, – пояснила Зоя, удаляясь на кухню и маня за собой гостя.

Хорошо, что никаких церемоний представления детям, познакомимся постепенно.

Конечно, и в Зое было что-то пугающее, необъяснимое, нервное, как и во всех, кто встречался Цезарю за последние сутки. Но пока точки соприкосновения, возникающие при нормальном человеческом общении, работали без перебоя, можно было спокойно окунуться в беседу. Она накормила его лёгким обедом и чаем напоила. Единственное, что удивило здесь Цезаря, – это содержимое дверцы холодильника, правда, мельком, он не успел ещё толком осознать... Он спросил её о работе, о детях, ещё о чём-то, всё как положено – перекатывая шарики непринуждённых обыденных слов. Зоя отвечала подробно, однако не таяла до конца. А потом Цезарь где-то ошибся:

– У наших-то часто бываете? – спросил он, имея в виду своих родителей.

– Так, не очень, – и вдруг показалось, что щёки её начали розоветь. Она провела ребром ладони по волосам, сама тут же рассердилась на свой неестественный жест и пошла к окну посмотреть, не идёт ли Егор.

Так-так, ну ладно.

– А значит, младший уже в детский сад?

Зоя не отвечала. Он видел, как она зацепила пальцами краешек органзовой перламутровой шторки и крутит его с усилием. Видел даже, как вздрагивает очертание скулы, действительно покрасневшей. Так выглядят со стороны сжатые зубы – чем он её разозлил?

– У них ведь крикун, – внезапно ответила Зоя, так что он сразу не понял. – Крикун, датчик крика, – теперь она повернулась к нему и спокойно уже пояснила: – Когда мы приходим с детьми, они же вон – постоянно орут, играют. Датчик срабатывает, приезжают из службы. Так что бабуля попросила нас – лучше не приходить.

Ах, вот оно что.

Он понял и тут услышал пришедшего брата.

Егор оказался совершенно лысым, каким-то испуганным, а самое странное – он вошёл и сразу стал говорить о боли в шее, тяжести в голове и покалывании в левом боку. Цезарь испугался, что это серьёзно, однако Зоя, почему-то поняв его вопросительный взгляд, тут же его успокоила:

– Гигиеническая причёска им на службе положена. А ты – хватит уже о болячках, расскажи брату что-нибудь хорошее.

– Да, чем ты на этой службе-то занимаешься? – пытаюсь попасть в струю прежних отношений, кивнул Цезарь.

– Да чем ещё – психов ловлю, – ответил Егор, усаживаясь поудобнее и обматывая плечо липучкой тонометра. – Сейчас, погоди, – он нажал на кнопку аппарата и прикрыл глаза в медитативном экстазе.

– Психов? Это каких?

Зоя ответила вместо мужа, поскольку тот продолжал в молитвенном молчании измерять себе давление.

– А у нас теперь всё общество разделилось на психов и тех, кто их ловит и лечит. Он работает в Службе, так это и называется – с большой буквы. Что-то вроде полицейского, сани-

тара и врача одновременно. Ездят по вызовам вместе с бригадой, успокаивают истериков, кого надо – в приёмники забирают, это такие заведения типа больниц. Бывают и криминальные всякие истории, – она усмехнулась устало чему-то своему и стала подавать мужу какую-то пищу на стол.

Егор измерил давление, прицокнул языком и полез в холодильник. И тут Цезарь понял, что его удивило тогда на мгновение. Вся дверца холодильника – четыре довольно широкие полки – была забита разного рода бутылочками, коробочками и пузырьками. Такого количества и разнообразия лекарств и витаминов он не видел ни в одной человеческой квартире.

– Ого, ребята, какая у вас богатая аптека, – позволил себе пошутить и даже привстал со своего места Цезарь.

Егор обернулся, шутки не понял и стал ковырять пальцем коробочки, отыскивая нужные таблетки. Зоя тоже никак не отреагировала на слова Цезаря, молча нарезаая хлеб. И только щёки её снова чуть-чуть порозовели, как давеча, когда она на него так неожиданно разозлилась.

И Цезарь мысленно поклялся сам себе придерживать впредь свой язык за зубами.

Первый его день на родине закончился унылым присутствием рядом с ним мамы, папы и Лили за кухонным столом, и всё это почему-то было названо праздничным ужином. Цезарь рассказывал о клубе собаководов и девушке в красном, о похоронах соседского дога, о разговоре с Егором и Зоей, а сам думал, что завтра же найдёт подходящую квартиру, снимет её и съедет отсюда к чертям, ибо так жить, кажется, невозможно. Да, по крайней мере, первое время, пока не привыкнет, он должен пожить один.

*

Я почти не помню, как выглядят те или иные люди. Те, с кем мне приходится общаться постоянно, сидят у меня в голове в виде чисел или понятий. Пожалуй, только мама – исключение. Я могу представить её себе в любой момент, когда её нет рядом. И у мамы нет постоянного имени-числа, всё зависит от её настроения. Если она мягкая, нежная или просто расслабленная, это может быть Здоровая Чётность. Если она смеётся, острит, язвит – тут разноцветные квадратные корни. А бывает, сердится – тогда это что-то колючее, как нерешаемая задача, как шахматный пат, тупик.

Или как незапертый шкаф.

По-другому я не могу объяснить.

6

Почему-то перекрыли оба выхода, ему оставалось только прыгнуть в окно второго этажа. Хотя никто его не преследовал, а на плече сидела какая-то птица, но не было времени связать все события резиночкой причинно-следственного благополучия. Он с трудом открыл окно и вдруг содрогнулся от отвращения: по подоконнику ползли огромные тараканы. Каждый – размером с пол-ладони плюс усы. Что же ты молчишь? – сказал-подумал он своей птице. А птица заверещала пронзительно один раз и, заверещав пронзительно во второй раз, уже оказалась пробуждающим Цезаря дверным звонком.

Он выпал из сна, как из окна, но, моментально взяв себя в руки и накинув халат, пошёл открывать дверь.

А там стоял здоровенный парень в синем комбинезоне и такой же бритый налысо, как Егор. Служба-дружба – как отголосок отброшенного сна прошелестело в голове Цезаря.

– Доброе утро, мы из Службы, – полупредставился, полуизвинился парень. – Будьте добры, пройдите свидетелем в соседнюю квартиру.

Цезарь сообразил, что все его родичи ушли по делам и он дома один. И это значило – не отвертеться.

– Свидетелем? А что случилось? – качнулся он между готовностью и желанием надеть что-нибудь посуше.

Парень, кажется, удивился:

– Истерика, – и пожал плечами. – Разве вы никогда не присутствовали при оформлении в распределитель?

– Я долго был в отъезде, – промямлил Цезарь, чувствуя, как желание одеться одержало верх. – Извините, я на минуту, – и скрылся в комнате.

Истерика приключилась с его вчерашней новой знакомой. Альберт ушёл на работу, а Татьяна, очевидно, привыкшая гулять в это время со своим четвероногим другом, не смогла сдержать новых слёз по поводу утраты. Цезарь догадался, что у людей из Службы имеются ключи от некоторых, поставленных на учёт квартир. Более того, службисты имеют право врываться в эти квартиры в самых острых, кризисных ситуациях. Он только не понял, кто определяет степень остроты и кризисности, кто принимает решение о вскрытии квартиры. Но при всём при том тактичный закон не позволял Службе забрать человека в специальное лечебное заведение без присутствия хотя бы одного постороннего здравомыслящего человека.

Двое лысых парней в одинаковых синих костюмах заставили Цезаря заполнить тест, вроде того что он заполнял в самолёте, но покороче. Очевидно, это была формальность, доказывающая здравомыслие свидетеля. А уж потом провели его в комнату, где на диване лежала несчастная хозяйка квартиры. Цезарь вздрогнул. Руки Татьяны были накрепко привязаны к телу какими-то полосками ткани, а по расцарапанному лицу девушки подсыхающими струйками змеились слёзы и кровь.

– Господи, что с лицом? – вырвалось у Цезаря.

– Они сами себя царапают, – не грубо, но слишком уж буднично отозвался один из парней.

Цезарь понял, что формальная подпись свидетеля, то, для чего его звали, – чушь собачья. Здесь надо...

– Я поеду с вами, – обернулся он к санитарам с не терпящим возражений лицом.

– Вообще-то мы не родственников не берём, – всё же попытался возразить один из них.

Но второй что-то махнул ему за спиной у Цезаря, и вопрос был улажен. Сама идти Татьяна не могла – очевидно, её до бесчувствия накололи успокоительными. Так что пришлось уложить девушку на носилки.

Машина у спасателей из Службы была такого же, как и комбинезоны, синего цвета, а в остальном – обычная «Скорая помощь», с мигалкой. Цезарю было предложено сесть рядом с носилками больной, а сами парни устроились впереди, за перегородкой. Когда машина тронулась, Цезарь стал аккуратно протирать взятыми у санитаров влажными салфетками лицо пострадавшей. Да, это действительно следы от ногтей. Но в какое же беспамятство надо впасть, чтобы так изуродовать собственное лицо? И это молодая девушка, вполне даже симпатичная, когда не рычит.

Больная застонала, видно, бактерицидная салфетка, прижатая к ране, дала о себе знать.

– Ничего, ничего, потерпите, – пожалел несчастную Цезарь.

– Сволочь, убийца, ноэль-моэль, – совершенно отчётливо произнесла девушка, не открывая глаз.

– Что-что? – он наклонился к её лицу. – Татьяна, вы меня слышите?

Вряд ли слышала. Время от времени она выплёвывала какие-то ругательства или стонала, потом опять замолкала. Цезарь затосковал. Помощи от него, конечно, здесь никакой. Для себя он тоже вряд ли что-нибудь полезное почерпнёт. Разве что совесть его будет почище – хоть на квадратный сантиметр, если он доведёт соседку до места, а потом расскажет обо всём её мужу.

На одном из поворотов подопечная Цезаря как-то беспомощно качнулась в его сторону, и, хотя ей, привязанной к носилкам, упасть бы и не удалось, он машинально придержал её двумя руками. Не понял... В области бедра девушки его рука наткнулась на что-то необыкновенно твёрдое – сквозь её домашние лёгкие шорты он почувствовал металлический холод и скользкую тяжесть.

Сначала он машинально отдернул ладонь, отодвинулся от соседки, а к себе попытался придвинуть хоть какое-нибудь объяснение: мобильный телефон в кармане, связка ключей, ну что там ещё? Нет, это не в кармане, карман бы топорщился, тут что-то странное. Он посмотрел на сидевших впереди санитаров – те ни разу так и не обернулись к своим пассажирам. Тогда Цезарь снова выставил руки, будто придерживая больную, и аккуратно, едва касаясь, провёл пальцами по её бедру, потом по животу и чуть ниже. Жёстко, гладко, холодно, массивно, повторяет очертания тела. Интересное бельё нынче носят молодые женщины.

– Я бы давно уже развелась с Альбертом, – вздрогнул Цезарь от её внезапно осмысленной фразы и тут же сцепил нахулиганившие руки на коленях.

Татьяна смотрела на него, шурясь, как бы издалека. Он не мог понять, очнулась она или бредит.

– Но у нас с ним девяносто семь процентов в тесте на совместимость, лучшего мне уже не найти, – и несчастная снова выключилась, не успев ни признать собеседника, ни выслушать его ответ.

Внутри это больница как больница. Пациенты, на вид вполне спокойные, расхаживают в халатах. У медперсонала форма одежды – сиреневая с белым, аккуратная. Никто не кричит, не кусается, не рвёт на себе волосы. И Цезарь немного расслабился, особенно когда забрали от него странную девушку Татьяну, а его самого попросили чуть-чуть подождать в коридорчике в удобном мягком кресле.

– Ой, а я вас помню, – сказал вдруг кто-то рядом, – вы на мне жениться отказались.

И снова какие-то детские анекдоты о Наполеоне из шестой палаты мурашками побежали по холодной спине памяти. Но краешек глаза предал сиреневый цвет халата говорившей, и Цезарю пришлось вежливо обернуться.

– Да, это я вам. Не узнаете?

Память совершила профессиональный рывок, мгновенно перелистав картотеку прежней жизни. Чересчур аккуратно вылепленные черты лица, уголки глаз бережно тронуты наличием азиатской крови, очень короткая стрижка.

– М-м, тогда у вас были чёрные косы, – только и смог выудить из себя Цезарь.

– Точно, – засмеялась женщина неожиданно звонко.

Потом спохватилась, за что-то извинилась и исчезла. Но через минуту появилась снова с какими-то бумагами, с какими-то людьми, при этом что-то объясняя кому-то по телефону. А у Цезаря хватило времени и такта вспомнить, что зовут её Инна, что когда-то они, кажется, жили в одном подъезде и, вероятно, какое-то время учились в одной школе. Но чтобы он отказался жениться? Э-э...

– Всё, вы свободны, – вдруг снова возникла перед ним шустрая корейночка в сиреновом халате. – Вас ведь как свидетеля по ошибке прихватили по делу Семёновой?

– Никто меня не прихватывал, я сам, – вставая с дивана, пробормотал Цезарь, почему-то теряясь от её быстрых жестов и неожиданных слов. Потом улыбнулся и переспросил:

– Инна...

– Сергеевна, – кивнула она радостно и: – Игорь...

Да, он не успел её опередить, пришлось кивнуть и добавить:

– Зовите меня просто Цезарь.

И снова внезапный взрыв смеха.

– Мне кажется, вы слишком громко зовётесь.

Что её всё время так смешит?

– А мне кажется, вы слишком звонко смеётесь. Уместно ли такое веселье в доме скорби? – украсив лицо самой добродушной улыбкой, проговорил он.

– Вот именно уместно! – ничуть не удивившись, возразила Инна. – Мой смех вселяет в больных бодрость духа.

– А начальство ваш смех случайно не раздражает? – продолжал Цезарь, понимая только, что они куда-то вместе идут.

– Фу, да я сама тут начальница, – скороговоркой бросила она, полезла в кармашек за телефоном и что-то ответила туда, при этом придерживая двумя пальцами Цезаря за рукав, чтобы не ушёл. Потом, как бы уже прощаясь с ним, на бегу спросила: – Вы ведь, Цесарь Цесаревич, где теперь? Не у родителей живёте?

Ему бы соврать и отделаться, а он сказал:

– Сегодня ещё у родителей, а потом, наверное, подыщу квартиру и перееду.

Инна перестала убегать, удивлённо-радостно вытянула лицо и переспросила:

– Вам нужна квартира? Однокомнатная? А я как раз свою хотела сдавать. Приходите сюда к семи часам вечера, я отвезу вас и покажу.

Цезарь галантно поклонился в ответ, сам ещё не понимая, отказывается он от предложения или принимает его.

*

Да, иногда я забываю, куда я иду или что я сейчас должен делать.

Нет, прямо сейчас я помню. Я должен рассказать вам маленький кусочек своей жизни, своей души, как вы просили меня. В день по кусочку. Не знаю, что это даст. Мне кажется, что чем больше я вам рассказываю, тем меньше сам про себя понимаю. Как будто начинаю запутываться от слов. Если бы вы попросили меня написать уравнение о моей жизни или начертить график, может, из этого что-нибудь и вышло бы, а так...

7

– Что случилось? Да ничего. Сколько я себя помню, мы всегда так жили, – он застал-таки сестру дома одну, но вытянуть на беседу эту дикарку оказалось непросто.

– Вот этого мне не надо, подружка, – Цезарь не пытался вспомнить, как разговаривал с Лилей прежде, тогда она была совсем другим человеком. Он наугад взял какой-то тон и пошёл напролом. – Девушки в девятнадцать лет только и думают о том, что нечто случилось, даже если живут в раю. Ты умный человек, ты художница, что-то ты там себе должна кумекать об этой жизни.

– Да что тебя конкретно интересует? – полусдалась Лиля, раскладывая на своём столе какие-то тетради.

– Ну, например, что мать с отцом не поделили? – присел Цезарь рядом на край её маленькой кушеточки.

– Ты же слышал – кино, – разыграла она удивление бровями.

– Лилька, хватит валять дурочку. Да, меня долго не было, но я тебе не чужой человек. Поговори уже с братом по-человечески.

Она что-то стала искать, перелистывать.

– Знаешь, что, брат, ты поживи тут у нас немножко – сам всё поймёшь. Ты же тоже у нас очень умный.

– Не очень-то любезно с твоей стороны, ну да ладно, один-один, – не унимался Цезарь. – Ну а Зоя? Что, они с матерью в контрах?

Лиля неожиданно рассмеялась:

– Тут недавно концерт был. Мама по телефону с Зойкой говорила. За что-то её пилила, как обычно. То ли за то, что работать идти не хочет, сидит на шее у мужа, то ли детей не так воспитывает, то ли ещё чего – не помню. Поговорили, пофыркали друг на друга и вроде как уже распрощались, мать трубку хотела класть. Вдруг – смотрю – у неё лицо вот так вытягивается и – красная вся, знаешь... Аж трясётся. Молча слушает и дрожит. А потом давай реветь. Оказалось, там Зойка распрощалась и со злостью швырнула трубку – да немножко мимо рычага и соединение не прервалось. И она, не зная этого, стала сама с собой разговаривать, любимую свекровушку последними словами вслух разукрашивать. Мать такого про себя наслушалась – ей чуть плохо не стало, я думала – без санитаров не обойдётся.

Цезарь поднялся и переспросил:

– А чему ты смеёшься? Как нелепо – ты-то на чьей стороне?

– Я? На стороне? – искренне удивилась сестра. – Ну уж нет, этого от меня не дождётесь.

Лиля тоже встала, и тут Цезарь понял, что ещё ни разу со вчерашнего дня она не позволила себе встретиться с ним глазами. Стоя рядом с ним, угрожающе наклонив голову, она прошептала:

– Я всех ненавижу. Правда, мать и Зою меньше. А вот отца, Егора и...

– И меня, – выложил Цезарь логическое продолжение.

Лиля отошла на безопасное расстояние, как будто спряталась от него за спинку кресла.

– Нет, тебя пока нет. Но я боюсь, что и тебя тоже, если ты будешь вот так приставать ко мне с вопросами. Я же не спрашиваю у тебя, что случилось с твоей женой.

– Извини, – пробормотал Цезарь, ему вдруг стало страшно. Он только сейчас понял, что падает, хотя сорвался уже давно. – Я не буду к тебе приставать, я вообще с вами жить не буду. Сниму квартиру и – если только в гости позовёте, а так...

И он вышел из комнаты сестры, не глядя ни на неё, ни на Далилу с Клитемнестрой, слыша, как всхлипнула сзади какая-то из них, и ругая себя про себя последними словами.

Вечером Инна уже не смеялась. Была то ли чем-то расстроена, то ли озабочена.

– Устаёшь на работе? – спросил Цезарь. Они легко и безболезненно съехали «на ты» сразу, как он её встретил около больницы.

– Да, – коротко пожаловалась она, усаживаясь в машину. Потом по дороге начала рассказывать. – Полчаса назад привезли одну молодую мамашу – избил пожилую женщину. У неё двое пацанят: старшему три года, младшему месяца ещё нет. Так их всех троих к нам и притащили – визг на всё здание, остальные пациенты все с ума посходили. Сколько раз я просила, чтобы таких к нам не везли, у них есть своё отделение, специальное! Нет, тащат сюда, дескать, ближе.

– Ты извини, – кашлянул Цезарь, не зная, с какой стороны начать. – Меня это всё по правде шокирует, я ведь... Давно здесь не жил, только вчера приехал.

– В смысле? – не поняла Инна.

– Я девять лет жил и работал в другой стране. А теперь приехал и чувствую, что говорю с людьми на разных языках. Вот тебя возмущает то, что привезли эту маму с детьми к вам, а я просто не понимаю слов «избила пожилую женщину». Как это – избил? За что?

– А, вон чего, – усмехнулась она, не отрывая глаз от дороги. – Тяжело тебе будет, придётся потерпеть. Если что – обращай за психологической помощью к специалисту, то бишь ко мне.

– Спасибо, если что – обращусь, – невесело отозвался Цезарь.

– Пришла она за старшим мальчиком в садик, колясочку с младшим прикатила. А чья-то бабулька, видно, из их же группы, что за детками приходят, лезет тут с вопросами да с поздравлениями. Ах, мол, у вас второй мальчик родился, поздравляю, как хорошо, что именно мальчик. Та – почему? А как же, отвечает бабка, вот если одного в армию заберут да там убьют,

хоть один сынок да останется. Представляешь? Ляпнуть такое. У нас молодые мамы целый год после рождения ребёнка на учёте стоят, в группе риска. А этой сразу после роддома такой подарочек. Девушка и вцепилась той бабке в рожу. Служба приехала, их разняли, бабушку отпустили, а этих к нам. Я бы лучше бабушку задержала. Разве нормальный человек должен говорить такие вещи?

Цезарь молчал. Наверное, ему было жалко их всех – и молодую мамашу, и глупую старуху, и Инну, и Лилу, и Зою, и мать. Но все эти нелепые истории, которые он выслушивал и свидетелем которых становился в последние дни, требовали от него какой-то иной реакции. Жалость тут была неуместна, жалость он инстинктивно отгонял от себя, пытаясь призвать на её место для начала здравый смысл.

– Да, пожалуй, я бы тоже, – пробормотал он после некоторого раздумья. – А ты кем там работаешь, какая у тебя должность?

– Я заместитель главврача. У меня специальность – девиантолог. Слышали о таком в заморских странах?

Нет, насчёт заморских стран было сказано без сарказма. Быстро его научили видеть в каждом человеке врага.

– Что-то связанное с ненормальным поведением? – предположил Цезарь.

– Да, – обрадовалась она. – У вас тоже такое имеется?

– Да нет, это я сам немножко изучал на досуге. Жена у меня психологией увлекалась.

– УвлекаЛАСЬ? – переспросила Инна, манипулируя окончанием прошедшего времени для выяснения важного вопроса. – В смысле...

– В том смысле, что теперь её нет, – ответил он, ничем не манипулируя.

Квартира понравилась. Ещё до того, как Цезарь в неё вошёл. А когда вошёл – и подавно убедился, что здесь, в тесной, с окнами в зелёный двор каморке ему будет хорошо спать и думать – большего от жилища и не требовалось.

– Кстати, я хоть убей не помню, когда это я на тебе отказался жениться? Может, ты меня с кем-то перепутала? – спросил он, когда Инна усадила его за чай в крошечной кухоньке.

– Ой, не помнишь? – удивилась она. – Это мы однажды ехали вместе в лифте. Я была... классе в девятом или в десятом, не помню, что-то ближе к концу. И с нами ещё ехал сосед с девятого этажа, Сонин дедушка, был такой. Он и говорит тебе: вон какая невеста, – это про меня. Мол, смотри, не упusti. А ты такой важный, говоришь: нет, эта мне не подходит. Если жену из того же подъезда брать, она домой к маме слишком часто бегать будет. Не по-омнишь?

Цезарь смеялся тому, как она изображает и его, и Сониного дедушку, но сам эпизод казался ему смутным до сомнительности. Может, и говорил он так, а может, ей это всё принилось. Неважно.

– А кто же в результате удостоился такой чести? Если, конечно, это не слишком дерзкий вопрос.

– Кто? Ну как кто? Молодой человек из другого подъезда, – и наконец Инна выдала звонкую трель смеха, так поразившего Цезаря утром. – Я вас обязательно познакомлю.

*

Вы любите простые числа?

Да, простите, доктор, это я должен рассказывать.

Не знаю, почему они мне так приятны – на вид, и на вкус, и на осязание. Ровные, твёрдые и в то же время слегка шершавые. Такие неумолимые, что ли.

В общем, иногда встречаются люди, которых я для себя называю простыми числами. Это честные люди, они не прячут в глубине себя ничего лишнего. И при этом никогда не хвастаются, что могут делиться на что-то там эдакое. Только они сами и единица.

8

– Мама, а почему вам поставили датчик крика? Ведь я так понял, что их ставят не всем? – почему-то Цезарю казалось, что он всё-таки имеет право задавать эти вопросы своим родным. Но сначала Лиля его отшила, а теперь и мама посмотрела так, как будто он ни с того ни с сего выругался матом. – Что, разве об этом нельзя говорить?

– Как тебе сказать, – обиженно поджала губы мама, – люди, как говорится, творческих профессий считаются в психологическом отношении ненадёжными. Поэтому, когда Лиля поступила в художественное училище, нас автоматически поставили на учёт.

Казённая, заученная, совсем не мамина фраза. Цезарь помотал головой.

– После всего, что я видел, готов поверить даже в такую чушь. Но мне кажется, дело не в этом.

Мама была обижена ещё и на то, что он хочет переехать.

– Это недалеко, я буду бывать у вас очень часто.

– Ага, по сравнению с предыдущим десятилетием?

Она продолжала сердиться.

– И вы все ко мне можете приходить, и папа, и Егор с мальчишками. Там у меня «крикуна» не будет, – он на всякий случай не упомянул имени Зои.

Глаза у мамы заблестели. То ли ей понравилась мысль, что она сможет видаться с внуками на нейтральной территории, то ли...

– Нет, ты представь, какая стерва, я ей говорю: ты зачем второго рожать выдумала, когда и так концы с концами не сводите, квартиры своей нет, работать уж сто лет не работаешь, нет, ей туда же, второго! Давай теперь, Егор, весь больной, упираться, один на всех работай, да ещё в детский сад бегай. А она мне и отвечает такая: боюсь, вам этого не понять, зачем, мол, второго. Это мне не понять – я троих вас вырастила, вынянчила, выкормила, и времена ещё посложнее были. А она мне...

Цезарь понял, что пора ему научиться абстрагироваться. Приём номер один: моральные беруши. Кивай, а сам думай о чём-нибудь своём. Не, пока не получается.

– Мама, хочешь, куда-нибудь сходим с тобой – в театр или хоть в магазин. Вместе, за покупками.

Мама опомнилась.

– У Ванечки день рождения скоро. Давай завтра с утра за подарками, если хочешь.

Цезарь подошёл и обнял её. Не может быть, чтобы они совсем уж тут все озверели. Вряд ли ему удастся их всех помирить, но хоть что-то.

Уже не моральные, а совсем даже материальные, резиновые беруши им предложили на входе в магазин детских товаров. У дверей стоял автомат, из которого мама ловко выудила четыре жёлтеньких овальчика и два из них тут же вкрутила себе в уши, а два других протянула Цезарю.

– Зачем? – конечно, удивился он.

Она тоже удивилась.

– А, ну да, ты же... Так у нас принято. В магазинах – чтобы шум не раздражал покупателей. Особенно в детских, потому что дети всегда здесь орут, когда требуют себе чего-нибудь.

Цезарь поплёлся за мамой следом, исподтишка наблюдая за другими покупателями и продавцами, пытаясь понять, заткнуты ли у них уши. Собственно, никто и не кричал, детей в магазине в этот ранний час практически не было. Мама бросалась время от времени то к одной полке, то к другой, хватала музыкального робота, набор для творчества из бумажных тарелочек, голубоглазую кошку и говорящую книжку, которая сама читает вслух сказки.

– Подожди, – вдруг дошло до Цезаря, – Ваня – это ведь старший? Сколько ему будет, восемь?

– Что? А, да, – кивнула мама, с удовольствием открывая и закрывая чудо-книжку.

– А разве он не играет в машины, самолёты, пистолеты? Чего это ты ему набрала?

Мама тут же скривилась, как будто даже испугалась:

– Ч-ч-ч... Никаких самолётов, это всё слишком возбуждает детей. А оружие у нас вообще теперь игрушечное не продаётся, ты разве не знал? Был указ о том, что нельзя. Всё агрессивное – нет-нет, мы теперь играем только в добрые игры. Это вы в своё время могли, ну да тогда всё другое было.

Цезарь собрался было напомнить о теории «не настрелялся в детстве – будешь стрелять всю жизнь», но передумал. И тут же решил, что подарит племяннику что-нибудь эдакое, запрещённое.

Мама открыла ещё одну музыкальную книгу, прислушиваясь к ней сквозь преграду в ушах, и вдруг стоявшая рядом девица-продавец не выдержала:

– Женщина, выбирайте скорее, здесь вам не оперный театр, достали уже со своим пиликаньем.

– Конечно, мадемуазель, мы сейчас, – рассмеялся Цезарь, одаривая девицу улыбкой Джеймса Бонда. Но он забыл, что ситуацию надо спасти не столько от продавщицы, сколько от мамы. Вмиг её лицо покраснело, глаза наполнились слезами бешенства, она набрала в лёгкие воздуха и закричала.

Тут же опомнившись, Цезарь обхватил маму за плечи и, вместе со всеми кое-как выбранными подарками, потащил в сторону кассы. Мама пыталась сопротивляться, выворачивала голову, выкрикивая на весь зал яростные ругательства в сторону оскорбившей её особы, и даже запустила в неё белой голубоглазой кошкой, но промахнулась.

Он расплатился за игрушки, чувствуя, как дрожат его руки, и поскорее повёл маму на улицу.

Во дворе своего дома Цезарь поймал краем глаза любопытную картину, хотя сразу не отреагировал на неё должным образом. Он был занят мамой, своими мыслями о ней и большим чёрным мешком с игрушками. На детской площадке стояли три или четыре мамочки в облаке кружащей мелюзги, но позы и лица мамочек были напряжены и даже враждебны. В центре их маленького круга стоял Альберт и что-то старательно выговаривал на своём ублюдочном жевательном наречии.

Цезарь поднялся и вошёл в квартиру вместе с мамой, поставил подарки около обувной полочки и сказал только:

– Мамуль, ложись, отдохни.

И тут понял, что то ли хочет переговорить с Альбертом о случившемся, то ли...

Лифт был где-то наглухо занят. Цезарь сбежал по лестнице в три прыжка и – едва поспел к кульминации: четыре мегеры, визгливо выкрикивая какие-то проклятия, с размаху совали валившемся в песочнице Альберту куда попало ногами. Несчастный хрипел, пытался закрыть лицо, но ни выбраться из глубокой песочницы, ни позвать на помощь у него почему-то не получалось. Некоторые дети оторопело поглядывали на избиение с дальнего края площадки, кое-кто зашёлся задорным плачем, а парочка малышей продолжала невозмутимо выкладывать свои куличики, лишь чуть отодвинувшись от коробки с песком.

– Опаньки! – вырвалось у Цезаря.

Он подошёл к месту побоища и обволакивающе спокойным тоном приступил:

– Сударыни, ну как можно, вы же пугаете своих собственных детей.

Ему удалось подцепить под локти сразу двух женщин и чуть-чуть оттянуть их назад. Все четверо посмотрели на него с тупым отсутствующим выражением, что было, как ему пока-

залось, переходной стадией от ярости к изумлению. Альберт успел только приподняться на колени, но бежать, воспользовавшись заминкой, он, видимо, был не в силах.

Одна из них резко выдернула руку из ладони Цезаря и, наверное, хотела что-то сказать, но он опередил её:

– Простите, мне кажется, я вас где-то видел. Да-да, я не мог ошибиться, эти дивные карие глаза...

– Пшёл ты, – процедила еле слышно женщина, скаля зубы.

– Точно! – обрадовался Цезарь. – Вы стоите в нашем отделении на учёте.

Это был жиденький такой блеф с его стороны, но сработало безотказно. Воинственный круг распался в мгновение ока, и, ни слова не говоря, мамыши повернулись к своим детям и стали принимать в них нарочито активное участие. Как ни в чём не бывало. А та, чьи карие глаза Цезарь якобы признал, подхватила под брюшки двух самых невозмутимых чад, отряхнула их от песка и затрусила с ними под мышками к ближайшему подъезду.

По своей слаженности и продуманности сцена напоминала эпизод какого-нибудь дешёвого мюзикла. Если бы не Альберт, которому наконец удалось выбраться из песка, дважды за последние дни обagrённого кровью.

– Идём, – наконец выплюнул он в сторону Цезаря последние красные песчинки.

И они вдвоём пошли к Альберту домой.

*

Знаете, чем я сегодня занимался после обеда? Я придумал новую игру и решил попробовать. Вчера играл в шахматы на планшете, а потом у меня сел аккумулятор, и я нашёл, что в электронной книге тоже есть шахматы. И вчера перед сном лежу и думаю: а что, если направить электронку и планшет друг на друга? То есть один будет играть белыми, другой чёрными – одну и ту же партию, а я только буду переносить их ходы с одного на другой.

Понимаете? Всё обдумывал, удастся или нет.

И получилось! Причём на первом уровне два раза выиграла электронка, а на среднем уровне – планшет. Потом мне просто надоело играть, а так я хочу попробовать и сложный уровень, а главное, попробовать вывести закономерность...

9

Всё это было, безусловно, интересно и, возможно, даже правильно. Но сосредоточиться на том, что говорила лекторша, Лиля не могла. Её затащила на этот курс Светка, подруга. Из уважения к ней, а теперь ещё ради приличия надо было досидеть до конца.

– Стирка мужского белья – это символ женской зависимости от мужчины, символ её извечного рабства, – безапелляционно вываливала рыжая лекторша свои убеждения. – Склоняя свою голову над мужниным грязным исподним, женщина как бы преклоняется перед ним самим, преклоняется униженно, признавая его право подчинять себе.

Следуя скорее привычке заполнять пустые места рисунками, чем ведомая каким-либо вдохновением, Лиля стала набрасывать в тетради портрет говорившей. Прошедшее пытку солярием лицо в обрамлении рыжих и острых перьев волос. Почему эти феминистки считают, что красота обязательно должна быть колючей? Лицо лекторши Лиля снабдила ореолом из продолговатых воздушных шаров, которыми почему-то был густо украшен зал.

Светка, с которой они сидели врозь – по причине опоздания на лекцию, – издалека погрозила Лиле кулаком. Мол, не занимайся посторонними делами.

– Скажите, – потянулась из зала чья-то рука, – а если я стираю вещи мужа в стиральной машине, это считается, что типа... я ему преклоняюсь?

Улыбка лекторши отпущения грехов не обещала.

– Лично я, когда ещё находилась в глубоком замужестве, приучила своего мужа самого загружать в стирку своё барахло. И развешивать по верёвкам тоже.

Лиля села вполоборота и стала намечать профиль девицы, задавшей вопрос. Эта – желтоволосый цыплёнок, дура, такой не грех перед кем-нибудь и преклониться (или даже кому-нибудь преклониться). На Светку Лиля старалась и вовсе не обращать внимания.

– Если вернуться к архаическим, мифологическим аспектам отказа от мужского начала, давайте вспомним, что многие древние народы считали: зачатие ребёнка происходит вовсе без вмешательства мужчины.

В зале послышались разрозненные смешки. Лекторша окинула аудиторию взглядом победительницы и продолжала:

– Специалист по древним религиям Мирча Элиаде писал: «Детей приносили водные животные, они вырастали в скалах, в морских пучинах, в гротах, прежде чем вследствие особого магического контакта внедрились в материнскую утробу. Человеческий же отец лишь узаконивал подобных детей посредством ритуала, обладающего всеми признаками усыновления».

Снова среди слушательниц смешинка и радостный шёпоток. И чей-то голос с последнего ряда:

– Скажите, а Мирча Элиада – это мужчина или женщина?

Тут уж засмеялись, загоготали тётеньки, не стесняясь, одобряемые язвительной улыбкой лекторши.

Лиля почувствовала, как мурашки копошатся под кофточкой. Это у неё с детства: при столкновении с человеческой глупостью – невозможно сдержаться.

Свою очередную жертву портретистка тоже снабдила виньеткой из длинных воздушных шаров – видно, настроение было такое дурацкое, непонятное.

Светка смекнула, что Лиля хочет сбежать с лекции, поэтому, как только объявили перерыв, она подскочила к подруге и намертво вцепилась в её локоть:

– Пойдём, я познакомлю тебя с Виолеттой, она очень хотела тебя видеть.

– Кто такая Виолетта? Я не хочу, – начала было Лиля, но попалась: рыжая лекторша уже приблизилась к ним на неотвратимое расстояние.

– Вот она, Лили, моя художница, – высокопарно представила Светка подругу.

Виолетта улыбнулась медоточиво.

– У неё отец алкоголик, вечно ссорится с матерью, Лили с детства его ненавидит, один брат ипохондрик и тряпка, второй вообще свалил неизвестно куда за границу, а единственный, кто у неё был...

Лиля с силой выдернула локоть из Светкиных рук и припустила к выходу, натываясь на других мужененавистниц, желающих познакомиться с Виолеттой.

– Лили, останься! – призывно неслось ей вслед. – В конце лекции мы символически покончим с мужским началом, проколем все эти фаллоподобные шары.

Так вот зачем нужны были эти декорации, – полуобернувшись Лиля, выбегая из зала. – Представляю себе эту бабскую пятиминутку ненависти. И уже на улице поймала себя на мысли, что к женщинам она в эту секунду испытывает едва ли не большее отвращение, чем к мужчинам.

Домой не хотелось, но надо, пора уже поговорить с Игорем по-человечески. Лиля вошла, разулась, мама вышла ей навстречу из комнаты, потягиваясь, как после сна.

– Игорь дома? – спросила Лиля, намереваясь проскользнуть тут же к себе, чтобы случайно не плеснуть на маму переполнявшим её новым чувством гадливости.

– Кажется, куда-то вышел, а я задремала, – протянула мама. – А где мешок с подарками Ванечке? Кажется, вот тут стоял – ты не разбирала?

*

Это как нерешаемая задача.

Ну я имею в виду проблемы в жизни всякие.

Иногда прочитываю задачу и сразу вижу её целиком – и дано и ответ. Ну вот как на фотографию посмотрел – сразу понял, что на ней изображено. А потом уже начинаешь замечать то, другое, детали там всякие, кто во что одет...

И задачу эту – начинаешь объяснять, доказывать и вдруг – бац! – натыкаешься на стену. Пробуешь по-другому – тоже не получается. Знаю ответ, а доказать не могу. Это редко, но бывает. А иногда и наоборот. Решаешь, всё логично, одно следует из другого. А ответ получается абсурдный, ну никак такого не может быть!

У вас такое случается? Нет, не в задачах, а в жизни.

10

– Не, ты точно должен нам помочь, – заявил Альберт, выходя из ванной, где добрых десять минут отмывался от крови и песка.

– Это штой-то? – удивился Цезарь, подстраиваясь под его тон и в то же время морщась, глядя на его раны.

Альберт бесцеремонно придвинул друг к другу Цезаря и табуретку и забормотал с исступлённостью и бессвязностью параноика:

– Они достали уже, ты понимаешь, достали! Смори: при тебе замочили Фрейда, потом мои зеркала, щас – эти. Я бы убил их, но не знаю, как найти. От этих баб ни хрена не добьёшься, а куда мне деться? Если Танька умрёт в больнице, я тут точно сдохну.

– Так, спокойно, – как всегда, охладил его Цезарь. – Ты говорил, что я не задаю вопросов. Так вот теперь я буду их задавать. А ты будешь отвечать. По порядку.

Альберт смотрел на него придурковато и не проявлял себя ни отрицанием, ни утверждением. Тогда Цезарь начал:

– С конца. Почему ты считаешь, что твоя жена может умереть в больнице?

– Они дают ей там жрать таблетки, а у неё аллергия, – пробормотал Альберт, с трудом выходя на прямую дорожку диалога. – Ей нельзя как всем, ей всю дорогу плохо после этих лечений.

– Это печально, но с этим попробуем разобраться, – пообещал Цезарь. – Дальше: кто такие они, которые достали?

Теперь Альберт молчал и соображал ещё дольше, рожая связную фразу и заодно удивляясь.

– Как кто? Эти... – и только спустя ещё несколько секунд окончательно пришёл в себя. – А, чёрт, ты ж ничё тут не знаешь.

Собравшись с силами и с мыслями, он, видимо, решил даже выйти в открытое море монолога. В результате обоюдных мучений оратора и слушателя Цезарь осознал следующую информацию. Сейчас такое время, что все друг с другом враждуют, и нет ни одного человека, который не состоял бы хоть в одной группировке, вольно или невольно, гласно или негласно воюющей с противоположной такой же группировкой. Так, например, пешеходы и автолюбители делят между собой заасфальтированное место под солнцем, родители маленьких детей и владельцы собак ссорятся за площадки для прогулок, врачи и больные, продавцы и покупатели, учителя и родители – все стоят по разные стороны баррикад по отношению друг к другу.

– Это всё я уже приблизительно понял, – кивнул Цезарь.

– Не, делвтом, что они обнаглели и перешли все границы, – затряс головой Альберт. – Ты ж видел всё: стреляют из окон по собакам, машины, тово, бьют. Я эттак не оставлю, я их точно, ух, – и пострадавший герой бессильно встряхнул в воздухе кулаком.

– А в полицию никак нельзя обратиться? – задал Цезарь ещё один мучивший его вопрос.

Ответом ему был красноречивый взгляд и столь же красноречивый жест, в переводе обозначающий: «ну ты и дурак».

– Не понимаю, – настаивал Цезарь. – А от этих девиц-то ты чего пытался добиться?

– Спросил, кто убил моего Фрейда, ониньбось знают. Сказал, что им всем не жить. За пса и за Таньку, – пожал плечами Альберт, достав из ящика стола круглое зеркало и рассматривая своё изуродованное лицо.

– Ну а я-то чем могу вам помочь? – вывел Цезарь беседу на финишную прямую.

– Как чем? – удивился его новый товарищ. – Найти и отомстить.

Он понял, что пора уходить. Надо было ещё рассказать о том, как забрали Татьяну. И ещё очень хотелось расспросить кое о чём. Ну нет. У кого угодно, только не у этого субъекта, волей несчастного случая навязавшегося ему в друзья. Цезарь, как ни старался, не мог напрячь своё природное человеколюбие до такой степени, чтобы хорошо относиться к этому обезьяноподобному Альберту, равно как к его несчастной, на девяносто семь процентов подходящей ему жене. Он пробормотал какие-то невнятные полуобещания, полуизвинения и – бочком, бочком – стал отступать к коридору.

Когда Цезарь ушёл, Альберт, неизвестно о чём на этот раз матерясь, засунул руку в потайной ящик на кухне, под раковиной, за мусорным ведром. Снайперская винтовка лежала на месте, голубушка. Он вылез из тайника, закурил и стал мотаться туда-сюда по кухне, напряжённо обдумывая свои дальнейшие планы.

Тишина не просто звенела, она выворачивала наизнанку всю душу, когда Цезарь открыл дверь и шагнул в квартиру. Что бы это могло быть? – подумал он со страхом, вытягивая голову, чтобы заглянуть в комнату.

Там на полу, уткнувшись лицом в ковёр, лежала мама, сотрясаясь в абсолютно беззвучных рыданиях. В двух шагах от неё сидела Лиля и – как ему показалось – совершенно невозмутимо срисовывала в альбом мамину беззащитную нелепую фигуру.

– Позируем? Я вам не помешал? – подал голос ошарашенный сын.

Мама перестала дёргаться, замерла на несколько мгновений, потом попыталась приподняться. Лиля, не отложив альбома и карандаша, поддержала её попытку, усадила на полу. Цезарь вздрогнул, когда мама повернулась к нему: у неё на лице была маска, что-то вроде респиратора, скрывающая нос, рот и подбородок. Только измученные, покрасневшие глаза её торчали над этой странной, напоминавшей маленькую подушку повязкой. Перехватив дикий взгляд Цезаря, Лиля спохватилась:

– Сними рыдальник-то, а то вон Игорька сейчас кондратий хватит.

Мама заторопилась, вставая с пола и стаскивая с себя маску. Дышала она часто и тяжело, видимо, в так называемом «рыдальнике» ей пришлось провести немало душных минут.

– Милые мои родичи, может, вы расскажете, что здесь происходит? – взмолился Цезарь, встревоженный и опечаленный.

– Да ничего особенного, всё как всегда, – грубовато и раздражённо бросила Лиля. – Папенька изволил выбросить купленные вами с маменькой утром подарки, после чего маменьку постиг страшный удар и она решила разделить своё горе со своим лучшим другом, ватным рыдальником.

– Как это выбросить, за что? – не понял Цезарь.

Видимо, мама после общения с ватным другом совсем не могла говорить. Она только помахала рукой у лица и засеменила в ванную умываться, а Лиля пояснила:

– Не нарочно, конечно, по ошибке. Мама легла отдыхать, а мешок с покупками, я так поняла, стоял вон там, не разобранный, в коридоре. А папаня решил, что это мусорный пакет приготовили ему на выброс. Такой же чёрный, говорит. Заглянуть туда слабо, конечно было. Пошёл и выбросил в бачок.

– Так я пойду заберу из бачка, – метнулся Цезарь, чувствуя, как подленький смех вот-вот вырвется и расплещется по комнате.

– Да я там была, успокойся, – остановила его сестра. – Там совершенно пусто, мусор уже успели увезти. Так что придётся тебе, брательник, ехать обратно в магазин и купить всё то же самое по второму разу. Иначе – капец всем нашим семейным отношениям. Отец вон из дому слинял, когда она разоралась, боялся, как бы не прибила, – Цезарь не мог понять по Лилиным интонациям и выражениям, жалеет ли она непутёвых родителей или издевается над ними.

– Это я виноват в том, что оставил мешок на полу в коридоре, – пошёл он навстречу к маме, – и я сам всё исправлю, ты будешь смеяться, вспоминая этот случай, – он снова обулся и уже в дверях попросил: – Только не плачь больше и не надевай этот ужасный...

У Цезаря язык не повернулся произнести. Мать и сестра смотрели на него, не понимая, что же вызвало у него такое омерзение. Видимо, в их понимании маска для плача, поглощающая все звуки, была не сложнее обычного носового платка. Цезарь снова помчался пешком по лестнице, чтобы взболтать, перемешать внутри себя противоречивые эмоции и больше не мучиться от их противоречий.

*

Числа для меня – это синоним чистоты. Слышите, они даже созвучны: числа – чистый. В раннем детстве я думал, что это однокоренные, родственные... Ну как их там... Числа невозможно запачкать, они не поддаются. По крайней мере, если говорить о заговоре грязи против чистоты... Числа всегда были и будут на моей стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.